

21 марта (3 апреля)

Священномученик
Владимир Введенский

Священномученик Владимир родился в 1869 году в городе Шуе Владимирской губернии в семье псаломщика Федора Введенского. В 1889 году он окончил Владимирскую Духовную семинарию и женился на девице Софии. Впоследствии у них с женой родилось четверо детей. 10 марта 1891 года Владимир Федорович был рукоположен во священника к Рождественской церкви в селе Лежнево Ковровского уезда Владимирской губернии, в которой он и прослужил всю жизнь; с 1920 года он был в ней настоятелем. В первый раз отец Владимир был арестован в 1922 году по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей, но вскоре освобожден.

В начале 1930 года власти приняли решение о закрытии Рождественской церкви, но поскольку ни прихожане, ни священники не собирались добровольно отказываться от богослужений, то закрыть храм можно было лишь арестовав священников. 4 февраля 1930 года были допрошены свидетели, которые показали: «Владимир Введенский через церковь и молебны по домам разносит антисоветскую заразу – свои религиозные суждения, ведет агитацию против колхозов, налогов и других мероприятий советской власти. С амвона произносит проповеди почти после каждого богослужения, и главным образом у священников происходят собрания верующих по своему плану, где они дают инструкции сей черни».

«Священник Владимир Федорович Введенский очень осторожен и своих взглядов на советскую власть прямо не высказывает. Бывая с требами по домам, иногда говорит, что, вот жмут православную веру, этого допускать не нужно».

«Вокруг церкви поселка Лежнево группируются антисоветские элементы из бывших торговцев во главе со священником Владимиром Введенским, который до сих пор читает проповеди, по существу, антисоветские».

В тот же день отец Владимир был арестован, все его имущество переписано, и жене было запрещено продавать или передавать его кому-либо. 5 февраля 1930 года власти допросили священника; отвечая на вопросы следователя, отец Владимир сказал: «Лично я веду свою жизнь замкнуто, никаких посещений между нами, церковным причтом, не бывает и не было, за исключением случаев исполнения религиозных обрядов... У меня никогда ни с кем из прихожан не было разговоров о политике советского правительства в связи с закрытием церкви, хозяйственными и другими вопросами».

Следователь спросил, как отец Владимир относится к обновленчеству: так как ОГПУ поддерживало обновленцев, то и следователя интересовало отношение к ним священника.

Отец Владимир ответил: «В период обсуждения вопроса о переходе в обновленческую ориентацию, когда особо в этом инициативу проявляли члены причта Смирнов и Цветков, я лично и остальной церковный причт были не согласны с этим, как например в части хотя бы того, что мы, церковные служители, при этом должны были выполнять только исключительно свои обязанности как бы “технически”... после этого строй церковной службы остался

прежний; сейчас этот Смирнов вышел из церкви (в 1923 году), а Цветков служит священником в селе Хомутово Тейковского района».

6 февраля 1930 года власти перевели отца Владимира в шуйскую тюрьму. Вместе с ним был арестован причт храма, члены церковного совета и монахини, несшие в храме послушание алтарниц и псаломщиц.

11 февраля следствие было закончено. В обвинительном заключении следователь написал, что антисоветская группа в Лежневе вела «антисоветскую агитацию и пропаганду, направленную к срыву проводимых мероприятий и возбуждению крестьян и рабочих Лежневского района против советской власти. Группа спаяна на почве единства религиозных воззрений и общности политических интересов... Встречаясь в церкви после молитв под видом решения церковных дел, разрешали вопросы антисоветского характера».

15 февраля тройка ОГПУ приговорила отца Владимира к трем годам заключения в концлагере. 30 марта священник прибыл в Соловецкий лагерь особого назначения. Здесь он работал дневальным, сушильщиком белья, сборщиком утильсырья. Начальник командировки писал в характеристике на него: «Трудолюбивый и исполнительный работник, несмотря на свой преклонный возраст. Дисциплинирован и вежлив. Взысканиям и вообще замечаниям не подвергался. В культурной работе не участвует, как служитель культа».

Оставшиеся дома жена священника София Николаевна, дочери Мария, Анна, Вера и сын Василий, как лишенные всех гражданских прав, были лишены и средств к существованию. 6 марта 1930 года Мария написала заявление председателю ВЦИК Калинину: «По распоряжению местной власти, я и ряд других девиц поселка Лежнево, как “лишенцы”, посланы на лесозаготовительные работы наряду с мужчинами. Труд наш нисколько не разделен с ними; мы, как и они, пилим лес, валим деревья, что зачастую подвергает риску нашу жизнь, так как мы совершенно с этой работой незнакомы. Этот труд, безусловно, для нас непосилен, были случаи, что девицы надрывались и теперь совершенно лишены возможности восстановить свое здоровье. На нашу просьбу освободить нас от этой работы наш председатель не обращает никакого внимания, указывая на распоряжение государства, но странно, что это распоряжение распространяется не на всех “лишенцев”».

Непосильный труд наш еще сопряжен с тем обстоятельством, что пила дров производится в болотистых местах и что нужна соответствующая обувь, которой мы не имеем, и теперь мы вынуждены мочить ноги и тем самым подрывать здоровье.

В заключение моего заявления я прошу Вас рассмотреть просьбу, войти в тяжелое положение; может быть, найдете возможным освободить от этой работы или облегчить хотя бы сколько наш труд. Тяжело и морально быть угнетенными, потому что мы “лишенцы”, обращаются с нами не как со всеми. Но ведь мы ничем не виноваты, что мы дети “лишенцев”».

29 апреля 1930 года дочери отца Владимира Мария и Анна написали заявление в Иваново-Вознесенский горсовет с просьбой о восстановлении их в гражданских правах, в котором писали: «Президиум Лежневского поссовета в своем заседании от 10 апреля 1930 года, рассмотрев наше заявление о восстановлении нас в избирательных правах, отказал в нашей просьбе, мотивируя это тем, что будто мы до сего времени являемся иждивенцами священнослужителя. Эта мотивировка в отношении нас не является справедливой, так как, будучи по социальному происхождению детьми

священнослужителя, мы все же с момента достижения совершеннолетия и до сего времени фактически не были иждивенцами отца. Окончив в 1924 году школу 2-й ступени и не имея возможности устроиться на службу, мы вынуждены были до начала текущего года проживать совместно с родителями. К этому нас обязывали преклонный возраст и болезнь матери, а также наличие в семье двух несовершеннолетних детей (брата пяти лет и сестры десяти лет). В домашнем хозяйстве родителей мы все время выполняли физическую работу: стирка белья, мытье полов, уход за коровой и так далее – и кроме того, по мере свободного времени, занимались шитьем и ручной работой на сторону. Выполняемая нами работа давала и дает нам право считать, что мы существовали на заработанные нами средства и не пользовались иждивением родителей. Своим трудом мы сами помогали родителям, брату и сестре в их существовании. В настоящее время тем более нельзя нас считать иждивенцами священнослужителя, потому что с 4 февраля сего года наш отец выслан, и мы, имея на своих плечах мать-старуху и двоих несовершеннолетних детей, вынуждены искать и добывать средства к существованию.

Просим Вас пересмотреть решение президиума Лежневского поссовета и восстановить нас в избирательных правах».

16 февраля 1931 года президиум Иваново-Вознесенского горсовета постановил: «Введенские самостоятельно общественно-полезным трудом не занимаются, живут на средства, ранее добытые отцом. Как не имеющим самостоятельного заработка и живущим до сего времени на нетрудовой доход, в ходатайстве отказать».

5 марта 1931 года администрацией Соловецкого концлагеря была составлена характеристика на отца Владимира, в которой о нем говорилось как об антисоветски настроенном человеке. 13 марта при амбулаторном обследовании священнику был поставлен диагноз: «Миокардит, артериосклероз, истощение и старческая слабость». В это время он находился в 4-м лагере на острове Анзер на командировке «Голгофа». 26 марта в связи с ухудшением состояния здоровья священник был помещен в стационар, располагавшийся в Голгофо-Распятском скиту. Священник Владимир Введенский скончался 3 апреля 1931 года в половине восьмого вечера и 5 апреля был погребен на кладбище у Воскресенской церкви на острове Анзер.

Семью со временем известили о смерти отца. 28 июля 1932 года дочь священника Анна написала заявление в Лежневский РИК с просьбой восстановить ее в гражданских правах. Она писала: «Президиум Лежневского поссовета на заседании 22 марта 1932 года, рассмотрев мое заявление с ходатайством о восстановлении в избирательных правах, постановил в просьбе мне отказать “за отсутствием трудового стажа”. Эта мотивировка в отношении меня является несправедливой, так как в настоящее время, достигнув совершеннолетия и не имея третий год отца, работаю самостоятельно в должности старшей кухарки при лежневских детясях. До этого работала временно уборщицей в аптеке, затем работала на пригородном хозяйстве, потом работала ватерщицей в прядильном отделе лежневской фабрики и работала по найму в качестве прислуги. Итак, перечислив целый ряд пройденных мною работ и прилагая в достоверность к заявлению справки о моих работах, я в заключение моего заявления прошу РИК меня в правах гражданства восстановить».

1 сентября 1932 года члены Лежневского РИКа, выслушав ее дело, постановили: «Введенская лишена избирательных прав как иждивенка служителя

культы, отец последней административно выслан в Северный край, сама Введенская лояльности к советской власти не проявила, достаточного трудового стажа не имеет. Ходатайство отклонить. Введенскую оставить в списках лишенных избирательных прав».

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Март». Тверь. 2006. С. 207-211

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 7. Тверь, 2002. С. 84-87.